

Уильям
Хастингс
Берк

ГЕРИНГ, БРАТ ГЕРИНГА

Сокровища

Незамеченная
история праведника

История Альберта Геринга
располагается между
историями Оскара Шиндлера
и Рауля Валленберга.

GOODREADS

**Уильям Хастингс Берк
Геринг, брат Геринга.
Незамеченная история праведника**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320887

Геринг, брат Геринга. Незамеченная история праведника: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085365-6

Оригинал: WilliamBurke, "Thirty Four"

Перевод:

Максим Колопотин

Аннотация

Зло всегда более заметно, чем добро. Все знают, кто такой Герман Геринг – рейхсмаршал Великогерманского рейха, приговором Нюрнбергского трибунала признанный одним из главных военных преступников, приговоренный к смертной казни и покончивший с собой. Но мало кто слышал о младшем брате Германа – Альберте Геринге, который не только не вступил в НСДАП, но и, напротив, всю войну помогал тем, кто находился в смертельной опасности, – евреям и просто несогласным с нацистской государственной политикой. Альберт Геринг умер в середине 1960-х в забвении, и лишь недавно его жизнью снова заинтересовались. И в первую очередь – благодаря книге Уильяма Хастингса Берка, который объехал половину Европы, стараясь по крупицам восстановить подробности жизни одного из забытых праведников XX века.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Уильям Хастингс Берк Геринг, брат Геринга. Незамеченная история праведника

Пане

© William Hastings Burke, 2009

© М. Колопотин, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1 Компас

Все из-за имени. Из-за него он угодил в это беспросветнейшее положение. Стоит май 1945-го, числа он даже и не знает – американцы держат его в тюрьме при дознавательном центре 7-й армии в баварском Аугсбурге. Центр квартирует в бывшем жилом комплексе в одном из пригородов Аугсбурга, Беренкеллере. Теперь здесь под охраной живет первая партия высокопоставленных нацистских пленных, готовящихся ответить за свои преступления в Нюрнберге. Меньше чем через год десятерых из них вздернут на виселице.

В импровизированной камере он готовит слово в свою защиту. Когда он поднимается с кровати, чтобы подойти к письменному столу у зарешеченного окна, его сковывает острая боль, отдающаяся во всем позвоночнике: это запущенная почечная болезнь, о которой не знают его тюремщики. Тем временем жена и дочка в Зальцбурге с нетерпением ждут хоть каких-то вестей, не подозревая, где он и что с ним происходит.

Его обвиняют в пособничестве нацистскому режиму. Обвинение, отдающее мрачной иронией, учитывая, что этот самый режим он отрицал всем своим существом, что всего лишь пять месяцев назад этот самый режим обвинил его в подрывной деятельности. Гестапо, для которого он был вечным источником раздражения, навесило на него ярлык “врага народа”. Евреи и неевреи, политические активисты и аполитичные обыватели, арийцы и славяне, богатые и бедные – он защищал их на улицах, вытаскивал из концлагерей, переправлял за границу. Но тюремщики не видят ничего из этого – все заслоняет его имя.

Дело в том – так уж вышло, – что он приходится младшим братом одному из соседей-заключенных, обитателю камеры номер пять, главной добыче союзников: бывшему рейхсмаршалу и главнокомандующему люфтваффе Герману Герингу. Альберт Геринг – так звали заключенного – добровольно явился в конце войны в американский Корпус контрразведки (CIC) в Зальцбурге, откуда был этапирован в тюрьму. Здесь на допросах он начинает рассказывать свою историю – историю про двойную жизнь, отчаянную смелость, героизм, – такую, которая может быть порождена только воспаленной фантазией сумасшедшего. Он рассказывает, что отказался от всех удовольствий, причитавшихся нацистским царедворцам, в число которых мог попасть просто благодаря фамилии. Он утверждает, что пользовался своим положением, чтобы разрушать режим изнутри. Он описывает, как много раз чудом избегал ареста гестапо, спасал еврейских старух на улицах, о подпольных синдикатах, переправляющих деньги на спасение евреев... Только следователи не верят ни единому слову. Один из них, майор Пол Кубала, пишет в заключении: “Результаты допроса Альберта ГЕРИНГА, брата РЕЙХСМАРШАЛА Германа, представляют собой пример самооправдания и самообеления, который по изощренности превосходит все, с чем до сих пор сталкивался SAIC (дознавательный центр 7-й армии). Измышления, к которым прибегает Альберт ГЕРИНГ, своей громоздкостью могут сравниться разве что с его тучным братом”.¹

Поэтому теперь он сидит в своей камере с пятью листками бумаги и тридцатью четырьмя именами, с помощью которых ему как-то нужно убедить своих обвинителей в немыслимом. Он начинает с заглавия: *Menschen, denen ich bei eigener Gefahr (dreimal Gestapo-Haftbefehle!) Leben oder Existenz rettete* – “Люди, которым я спас жизнь с риском для себя (три гестаповских ордера на арест!)”. И приводит в алфавитном порядке тридцать

---

¹ Майор Пол Кубала. “Протокол заключительного допроса: Альберт Геринг, брат рейхсмаршала и сотрудник заводов “Шкода” и “Брно”, дознавательный центр 7-й армии, Аугсбург, 19 сентября 1945. File Number: XE002282; Personal Name File (PNF) 1939–1976, Goering, Albert; Investigative Records Repository (IRR); Records of the Army Staff, Record Group (RG) 319; National Archives at College Park (NACP), MD.

четыре имени – тех, кого он спас от нацистских преследований. Он выписывает их титулы, профессии, прошлые адреса, гражданство, места последних контактов, нынешние адреса, чем он им помог, их расовую принадлежность. Наконец, он подписывает список своим именем и передает следователям – теперь его судьба в их руках.

* * *

Шестьдесят лет спустя я сижу в Национальном архиве США в Вашингтоне. В моих руках тот самый список, составленный Альбертом в ту далекую пору. Эти пять самых обыкновенных с виду, кое-где запятнанных кофе страниц – мое первое реальное соприкосновение с Альбертом Герингом.

Но я забегаю вперед. Отмотаем назад, к моей выпускной церемонии. У меня на родине, в Сиднее, я стою на виду у всех собравшихся в величественном главном дворе Сиднейского университета. Среди публики мои родители, пытающиеся управиться с видеокамерой. Научный руководитель пожимает мне руку, незнакомые люди желают успехов. Куда теперь, интересуются все, получать степень или устраиваться работать в финансовой сфере? Нет, я не собираюсь продолжать учиться и натягивать на себя каждое утро строгий костюм тоже не хочу. Я рассказываю о своей идее, с которой ношусь уже какое-то время, об истории, не отпускающей меня с тех пор, как я случайно посмотрел документальный фильм,² где утверждалось, что у Германа Геринга – человека, воплощающего нацизм, – был брат-антинацист.

Мысль о том, что у чудовища, о котором мы знаем по школьным урокам истории, мог иметься брат, похожий на Оскара Шиндлера, не укладывалась в голове. Краткие поиски в местной библиотеке, дальнейшее более тщательные разыскания в библиотеке университета, обращение к всеведущему “Гуглу” не дали мне почти ничего – ни подтверждения, ни опровержения. Должно было быть что-то еще. Иначе получалось, что героизм одного человека мог быть полностью вычеркнут из истории из-за его брата. Фамилия Геринг обросла столькими наслоениями, что искажение стало казаться самой сущностью истории.

Через месяц после выпуска я купил билет на другой конец света и отправился в дорогу с ясной целью, но без какого-либо четкого представления о том, как ее достичь. Глядя со стороны, можно было подумать: типичный молодой турист, уезжающий посылаться по миру с рюкзаком за плечами, возможно, движимый желанием отсрочить неминуемое взросление. Но для меня это было началом экспедиции – поисковой миссии, которая должна провести меня сквозь слухи и кривотолки к истине об Альберте Геринге.

И первая остановка моей экспедиции здесь, в Национальном архиве США, и пять страниц с загнутыми уголками, которые я держу в руках. Сидя в этом зале, посетители которого носят усы и твидовые пальто, я представляю себя там, рядом с Альбертом, в его камере, давным-давно. Мне нужно знать, почему он решил предать бумаге имена именно этих тридцати четырех, а не сотен других, которых он тоже спас. Один из Габсбургов, эрцгерцог Иосиф Фердинанд (номер двенадцать), хорошо известен, как и поверженный канцлер Австрии доктор Курт фон Шушниг (номер двадцать семь). Все они – выдающиеся фигуры, чью судьбу нетрудно отследить даже сейчас.

Список начинает напоминать карту, как будто Альберт неосознанно уместил всю разнообразную историю своих военных лет в эти тридцать четыре имени; каждое оказывается узловым точкой на диаграмме его сюжета. Одновременно мое мальчишеское приключение выкристаллизовывается во что-то гораздо более серьезное. Документальные свидетельства, рассыпающиеся папки становятся именно этим и ничем другим – сохраненной реликвией. “Список тридцати четырех” – намного больше, чем бумага. Это плоть и кровь тех, кто явля-

---

² *The Real Albert Goering, 3BMTV, 1998. (Прим. автора.)*

ются свидетелями и хранителями истории Альберт Геринга. В этот момент я осознал, что их голоса станут компасом моего путешествия.

Глава 2 Нетландия

Из своего окна я вижу, как пелена тумана опускается на Шварцвальд, окутывая древний черный лес мифической аурой – прямо как в сказках. Становится нетрудно вообразить себе заблудившуюся маленькую девочку в красном капюшоне или принцессу с белоснежной кожей, скрывающуюся в логове своих новых друзей – гномов. Это страна братьев Гримм и мое новое пристанище в Германии. Именно отсюда я собираюсь начать изучение истории братьев Герингов.

Я живу в коммунальном доме в неправдоподобно живописном районе Вире на окраине Фрайбурга, волшебного города, ютящегося между французской и швейцарской границами. Если захочу, я могу позавтракать в Германии, пообедать в Швейцарии и поужинать во Франции. Это место – своеобразная Нетландия для хиппи, зеленых, панков, преисполненных идеализма студентов в палестинских платках или просто тех, кто пытается убежать от жестоких реалий внешнего мира. Внутри этого уютного пристанища они проводят жизнь в блаженной отстраненности от всех зол и обязательств “взрослого” мира.

Когда я впервые собирался в этот старинный университетский городок, я представлял, что попаду в академическую среду, производящую на свет новых Фридрихов Ницше, Гюнтеров Грассов и Карлов Марксов. Но быстро убедился, что за вычетом другого языка и отсутствия “греческих” братств во Фрайбурге царит та же атмосфера – “мы все одна большая (алкогольная) семья”, – что и в обители Университета штата Пенсильвания, Счастливой долине – последнем университетском городке, где я провел год в качестве студента по обмену. И хотя европейской искушенности, к которой я намеревался приобщиться, я так и не нашел, у Фрайбурга множество других плюсов, начиная с “Егермейстера” дешевле чем по евро за стопку.

* * *

Чтобы на что-то жить и иметь какие-то деньги для исследований, я устраиваюсь в местный ирландский паб. О такой работе можно только мечтать, но есть один минус: управляющая заведением отдает мне всего лишь несколько смен в неделю. В результате я вынужден сделаться невольным вегетарианцем. В моем рационе преобладают углеводы: картофельное пюре, “живую” и из пакетиков, макароны, лапша и прочее тесто. Что там диета Аткинса – за шесть месяцев я потерял десять кило.

Однако если работа не вполне покрывает мои финансовые нужды, она более чем удовлетворяет меня по части трепки и приключений – *craic*, как ирландцы называют веселое времяпрепровождение. Штат и постоянные клиенты паба – разношерстная толпа чужестранцев. Ирландцы, новозеландцы, шотландцы, русские, канадцы, англичане, испанцы, валлийцы, южноафриканцы, американцы, австралийцы, и у каждого своя эмигрантская история: прошлая жизнь, оставленная жена, невыносимые родители или даже ордер на арест, от которого они теперь скрываются. И этот паб в центре фрайбургской Нетландии – их неофициальное посольство, их дом и приемная семья, где они утешаются взаимной необязательностью отношений, общим языком, совместными возлияниями и прежде всего – коллективным юмором. Это место посреди кажущегося излишне насупленным тевтонского мира позволяет им сохранять какое-то подобие умственного здоровья. Правда, употребив в очередную ночь достаточное количество немецкого пива, они все равно начинают сходить с ума.

По крайней мере, именно такие мысли отражаются на каменеющих лицах забредающих в паб немецких посетителей. Когда по субботам завсегдагаи, уже опрокинувшие в себя полдекалитра, пляшут и поют на стойке, сидящие в зале немцы, уставившись на этих безумных *Ausländer* (иностранцев), тихонько потягивают какао, *Kiba* (вишнево-банановый сок) или неподражаемый *Bananenweizen* (смесь пшеничного пива с банановым нектаром). За полгода я так и не привык, что молодые люди двадцати с чем-то лет могут отдавать предпочтение горячему какао (политому взбитыми сливками и никак иначе) в полночь с субботы на воскресенье... в ирландском пабе!

* * *

Неподалеку от меня, на Гетештрассе, в полном соответствии с названием улицы, расцветает немецкий архитектурный романтизм. Прогуляйтесь по Гетештрассе, и вы встретите роскошные городские особняки, напоминающие нью-йоркские “браунстоуны”, только гораздо меньше и старомодней. Шпили и остроконечные фронтоны, поднимающиеся от плоских крыш, величественные балконы на фоне пастельных фасадов, очерченных кирпичной кладкой по углам. Все, чего здесь не хватает, это позолоченные экипажи, из которых выходили бы состоятельные горожане в напудренных париках. Однако не следует обманываться фасадами и архитектурой, этим зданиям не так много лет, как кажется.

На самом деле, за исключением мюнстера (собора), почти все постройки в центре Фрайбурга – послевоенные. Дело в том, что Фрайбург испытал на себе главные последствия двух крупных “оплошностей” Второй мировой – первой они обязаны собственным горе-вожкам, а второй – их коллегам по ту сторону фронта. 10 мая 1940 года плотные серые тучи заволкли Шварцвальд: школьники играли в школьных дворах, местные крестьяне торговали привезенным товаром на Соборной площади, в квартале Штрулингер только что отзвонили колокола церкви Сердца Иисуса, и в этот момент на окрестности *Hauptbahnhof* (центрального железнодорожного вокзала) пролился смертельный дождь из крупповских снарядов. Станным образом не зазвучало не одной предупредительной сирены. Не было никаких оповещений со стороны властей, никаких знаков грядущего налета. С чего бы было волноваться горожанам, услышавшим негромкий рев своих “хайнкелей” *He 111* и увидевшим, как из облаков появляются крылья с черно-белым “балкенкройцем”? Люфтваффе или не люфтваффе, но пятьдесят семь фрайбуржцев в этот ужасный весенний день перестали быть фрайбуржцами, в том числе двадцать два ребенка. По чьей вине? Кто-то ссылается на плохую видимость и несовершенную навигационную технику. Другие говорят о рьяных немецких летчиках, которые так хотели порадовать фюрера первым авиаударом по врагу, что приняли немецкий Фрайбург за французский Дижон. А кому-то хватило смелости обвинить во всем “проклятых томми”, примчавшихся с того берега Ламанша, – “кому-то” в данном случае означает “министру пропаганды Геббельсу”.

Через четыре с лишним года произошла вторая оплошность, и ответственность за нее уже можно было официально возложить на “проклятых томми”. Получив ложные данные о том, что крупное немецкое соединение должно быть переброшено из Фрайбурга, 27 и 28 ноября 1944 года четыреста сорок один бомбардировщик Королевских ВВС обрушил на город тысячу девятьсот тонн британской стали, согласно плану – чтобы поразить его железнодорожную инфраструктуру. Получилось, правда, что в состав этой инфраструктуры входили также жилые дома, церкви, книжные магазины, рестораны, пекарни, кафе, парки, университетские корпуса, школы – весь городской центр за единственным исключением самой высокой постройки во Фрайбурге, величественного собора, и сейчас являющегося доминантой городского пейзажа. По окончании бомбежки храм Божий остался стоять посреди руин одиноким вызовом, как бы показывая средний палец Уинстону Черчиллю.

В отличие от предыдущего налета на этот раз горожане получили какое-то подобие предостережения. Но не сигналы воздушной тревоги и не радиообъявления первыми заставили большинство из них отправиться в укрытия. Первым был одинокий селезень, всего лишь птица, но птица, по-видимому, наделенная одновременно даром ясновидения, авторитетом и способностью убеждать. Прежде чем кто-либо мог увидеть или услышать первый британский бомбардировщик – по крайней мере, кто-либо из людей, – этот селезень забил крыльями, громко заклекотал, глядя вверх, и стал производить такой шум своими движениями, что все, кто находился поблизости, обратили на него внимание и заторопились в убежища. По этой причине многие фрайбуржцы смогли пережить авиаудар. Останки же их смелого пернатого земляка потом обнаружили в куче развалин.

Сразу за границей Альшттадта, улицей Леопольдринг, если перейти ее по пешеходному мосту и спуститься в парк Штадтгартен, пройти мимо фуникулера, который может отвезти вас на вершину Шлоссберга, и мимо амфитеатра с треугольной крышей, посреди пруда, населенного фонтанами-грибками, можно увидеть черную мраморную скульптуру, запечатлевшую знаменитого селезня в его судьбоносную минуту – выгнувшегося клювом к небесам и выкрикивающего свое грозное предупреждение. “Божье создание сетует, упрекает и предостерегает”, – высечено на основании статуи.

Этими же словами с полным правом можно было бы надписать статую Альберту Герингу, если бы такая существовала. Подобно фрайбургскому селезню Альберт умел нутром чувствовать надвигающуюся опасность и был движим стремлением защищать тех, кто ей подвергался. Он жил в Мюнхене, на родине нацизма. Он посещал те же университетские аудитории, что и Гиммлер, и был свидетелем самых первых шагов зарождающегося националистического движения среди студентов. Он видел, как его брат все ближе сходил к компании Гитлера, и слышал, как его речь все больше и больше переполнялась ненавистью. Одним словом, ему было доступно непосредственное знание о том, что эти будущие лидеры Германии готовили для страны. Поэтому он бил тревогу, изъявлял недовольство, предостерегал своих соотечественников. Однако выяснилось, что абсолютно никто не хотел его слушать – в отличие от ясновидящей птицы.

* * *

За дверью моей комнаты слышно движение. Должно быть, это мои соседи готовятся начать *Putzoffensive* (уборку-наступление), как они это называют. Я делю чердачный этаж с четырьмя немецкими студентами: панк-рокером, который одновременно преподает в начальной школе, лингвистом, будущим оперным режиссером и скрипачом. В этом странном коллективе каждый считает себя моим гидом по Фрайбургу, они всегда готовы помочь с немецким, а также в моих многочисленных столкновениях с неприступным *Stadtamt* (муниципальными властями). Со стороны они похожи на любую другую группу двадцатилетних молодых людей на Западе: не прочь выпить и всегда готовы повеселиться. Но в том, что касается чистоты и порядка, проявляется тевтонский характер. По заведенному обычаю большинства немецких студенческих *WG* (коммунальных домов), у них имеется раскрашенный в разные цвета *Putzplan* (график уборки) в форме вращающегося колеса. Когда колесо доходит до воскресенья, все жильцы являются к месту службы, то есть на кухню, и начинают беспощадную войну с грязью и хаосом. Правда, сегодня у меня увольнительная – я заслужил ее вчерашним единоличным отмыванием ванной и туалета.

Поверх гудящего пылесоса слышится стук в дверь, меня зовут: “Вилль!” Что еще? Разве я не уничтожил вчера достаточно скверны? Нет, это сосед-лингвист принес мне письмо, которое откопали во время уборки. Письмо от Экхардта Пфайффера, редактора региональной газеты в северной-баварской области Франкония (где выросли Альберт и Гер-

ман Геринги), краеведа и, по-видимому, знатока истории рода Герингов. Я послал ему письмо пять с лишним месяцев назад в надежде, что он поделится каким-нибудь материалом для исследования.

Письмо, как и положено, написано официальным языком, однако интонация вполне дружелюбная. Как бы то ни было, содержательного в нем почти ничего. Все ценное, что он может мне сообщить, – это что Альберт ходил в школу в Херсбруке. Письмо практически под копирку воспроизводит многочисленные ответы, полученные мной с начала всей этой моей затеи. Обычно они имеют один и тот же зачин: “Позвольте выразить вам признательность за вашу попытку рассказать историю Альберта Геринга”, – но заканчиваются либо: “Очень сожалею, но мы не обладаем достаточной информацией, касающейся Альберта Геринга”, либо: “К сожалению, мы не можем поделиться никакой информацией, поскольку наш(а) [вставить имя члена семьи] скончался(лась) [вставить дату] и унес(ла) все, что ему (ей) известно, с собой в могилу”. Я начинаю верить, что опоздал на двадцать лет.

Но я решаю, что пора играть на опережение: если информация не приходит ко мне, придется отправиться добывать ее самому. Я звоню начальнице и говорю, что хочу отправиться на пару недель во Франконию. “Когда?” – спрашивает она меня в своей лаконично-деловой ирландской манере. “Как только получу от вас достаточно смен, чтобы собрать деньги на поездку”. Она вешает трубку.

Глава 3

Голубые глаза, карие глаза

Ранним утром в сильный мороз я поджидаю Дастина, американского приятеля, который, будучи чужим у себя на родине, уже десять лет наслаждается своим добровольным европейским изгнанием. Лучше владеющий немецким, он согласился присоединиться ко мне в качестве ассистента / переводчика. Спустя некоторое время Дастин появляется: багаж проверен, карты наготове, колеса вертятся, а капот смотрит в сторону автобана.

Мы оставляем позади ясное небо Баден-Вюртемберга ради непроницаемого баварского тумана. Автобан исчезает из виду вместе с долинами, шпилями церквей, плотными рядами деревенских улиц, подвесными мостами над безводными провалами и вспаханнами полями с отвердевшей от мороза землей. Мы едем в окружении вереницы БМВ и “мерседесов”, несущихся с явным желанием оторваться от земли и взлететь. *Fränkischer Autobahn* взбирается вверх среди горных хребтов и сосновых лесов, напоминающих Швейцарию, – эту местность так и называют – *Fränkische Schweiz* (Франконская Швейцария). После нее мы добираемся до Фельденштайнского леса, где находится бург (замок) Фельденштайн – первая остановка нашей экспедиции в детские годы Альберта и Германа.

К замку ведет живописная сельская дорога, немногим отличающаяся от тех, которыми изобилует английская провинция. Светло-зеленые пастбища с их кровами тут и там в поросших мхом каменных загонах высотой по колено перемежаются участками лесной чащи и покрытыми зеленью стенами скал. Здесь легко представить себе мчащуюся где-то недалеко лисью охоту с юным Германом Герингом во главе: на коне, убранный всеми возможными охотничьими аксессуарами вплоть до тирольской шляпы, Геринг мчится на лай гончих, запах лисы подстегивает и собак, и самого юного охотника. Миновав уголья этого джентльмена, мы проезжаем несколько скромных деревень, где вдоль единственной дороги выстроились домики, церковь и придорожные распятия. Это малая родина папы Бенедикта XVI, или, точнее, Йозефа Алоиза Ратцингера, – сердце немецкого католицизма.

Теперь мы петляем по скальной дороге: внизу змеится река Пегниц, сверху нависает каменный массив. За очередным крутым поворотом наконец появляется величественный образ замка Фельденштайн. Он расположился на самой вершине большого утеса, и над его неприступностью равно поработали человек и природа: каменные парапеты прекрасно вписываются в ступенчатый крутой откос, круглые бастионы торчат над каждым выступом горы – атаковать его снизу было бы самоубийством. В центре замкового комплекса высится главная башня, мрачно озирающая расположившуюся у подножья деревню Нойхаус-на-Пегнице. Вездесущая, не смыкающая глаз башня всем своим видом как бы требует беспрекословного подчинения от подданных. Глубоко в ее основании за деревянными дверями прячутся многочисленные комнаты и коридоры, которые, кажется, ведут внутрь самой горы, к нижним границам замка. Быть может, эти потайные средневековые ходы использовались, чтобы тайком провести сюда возлюбленную или, позже, спрятать собранные Германом на оккупированных землях сокровища искусства?

Мы огибаем справа фронтальную сторону замка и поднимаемся еще выше по дороге, в конце концов выбравшись к футбольному полю, где два мальчика играют в мяч. Старший из них стоит у одиннадцатиметровой отметки и раз за разом бьет по воротам, где стоит младший. Второму каждый раз приходится бегать за мячом, догоняя его на склоне. Я думаю, не играли ли когда-то так же Герман с Альбертом в этом самом парке. Атлетичный старший Герман, конечно же, в более выгодной позиции бьющего, более мягкий Альберт в позиции ловящего – он подыгрывает самолюбию брата и бежит за каждым укатившимся мячом. В

ранних сумерках с их свежим, слегка пахнущим каминным дымом воздухом мы спускаемся пешком к воротам Фельденштайнского замка, чтобы проникнуть в тайну детства Германа и Альберта.

* * *

В 1938 году, когда в моде было все арийское, немецкий историк барон Отто фон Дунгерн опубликовал статью, описывающую фамильное древо, а точнее безупречную “арийскость”, Германа Геринга. Статья была частью серии, посвященной родословным других знаменитых немцев, таких как Артур Шопенгауэр и Рудольф Гесс. В то время шестнадцать доказанных арийских предков считались достаточной охранной грамотой – с ними можно было не бояться, что тебя захлестнет истерия, рожденная Нюрнбергскими законами.³

Дунгерн оказался настоящим артистом от генеалогии. Взавшись за секатор, он проредил заросли браков и рождений до XII столетия. Он начал с самого низа фамильного древа, где повывергивал все сорняки и ничего не значащие корни, пока не наткнулся на золотую жилу – королевские дома Гогенцоллернов и Виттельсбахов. Он продолжал рубить в поисках мощной доминирующей ветви, воплощающей завоевания и высокие достижения. Естественно, он сумел отыскать связь с “железным канцлером” – основателем современной Германии Отто фон Бисмарком. Где-то посередине пути его метод отсечения всего лишнего стал тяготеть к настоящему искусству, плодом которого оказалась самая что ни на есть высокая абстракция: замысловатая лоза, протянувшаяся к вершине немецкой литературы – Иоганну Вольфгангу фон Гете. Дунгерн занялся стрижкой по самому краю кроны, ровно там, где она едва касалась соседнего дерева, и здесь обнаружилась еще одна высокородная веточка, ведущая к кайзеру Вильгельму II, внуку королевы Виктории.⁴ Под конец, окруженный горой непригодных вершков и корешков, перед ним стоял настоящий арийский рыцарь в сияющих доспехах.

Если отмести всю нацистскую пропаганду и покопаться в этой куче забытых генеалогических обрубок самому, можно увидеть, что более подходящим представителем рода Герингов скорее является фигура высокопоставленного прусского чиновника из землевладельческого сословия, которому время от времени удавалось приблизиться к трону.

Более предпочтительной точкой в истории, с которой следует начинать изучение геринговской родословной, является, пожалуй, рождение Михаэля Христиана Геринга в Рюгенвальде в 1694 году. Михаэль Христиан, которым наряду с еще несколькими прародителями Геринги особенно гордились, когда-то состоял на службе у прусского короля Фридриха Великого. Начав с должности полкового квартирмейстера, он постепенно возвысился до ранга *Commisarius Loci* (экономического управляющего) Рурской области. Где-то в промежутке между сбором денег на прусские военные нужды и пребыванием в качестве политического заложника у французов во время Семилетней войны он сумел произвести на свет сына по имени Христиан Генрих Геринг – первого, кто стал писать фамильное имя *Göring*, как это принято теперь. Христиан Генрих Геринг прожил скромную, но достойную жизнь в Рейнской области и оставил наследника – деда Альберта и Германа – Вильгельма Геринга. Вильгельм поднял род на новую высоту, но не благодаря победам на поле боя или восхождению по чиновной лестнице, а благодаря удачному сватовству в кругу высшего общества. Ему

---

³ Frischauer, W (1950) *Goering*. London: Odhams Press LTD. P 15.

⁴ Dungen, O. (1936) ‘Uhnentafel des Ministerpräsidenten und Reichsluftfahrtministers Generalobersten Hermann Göring’ в: *Ahnentafeln berühmter Deutscher: Herausgegeben von der Zentralstelle für Deutsche Personen und Familiengeschichte*. Leipzig: Zentralstelle für Deutsche Personen und Familiengeschichte.

удалось заполучить руку Каролины де Нерее, дочери благородного голландского семейства, в жилах которой текла гугенотская кровь.⁵

31 октября 1838 года в Эммерихе, совсем рядом с голландской границей, фамильное древо Герингов пустило новую ветвь, на которой было написано имя Генриха Эрнста Геринга, будущего отца Альберта и Германа. Сыну весьма уважаемого судьи Генриху была предначертана юридическая карьера, которой он поначалу хотел избежать. Выучившись на правоведа в престижных Гейдельбергском и Боннском университетах, в двадцать семь лет Генрих неожиданно натянул на себя прусский армейский мундир и отправился на Прусско-Австрийскую войну 1866 года. Прошло каких-то семь недель, и картографам пришлось чинить свои сточившиеся перья, чтобы рисовать новую карту Европы – карту, теперь благоволящую к торжествующей и постоянно расширяющейся Прусской империи за счет сжимающейся Австрийской. Пруссаки заставили поработать картографов и несколько лет спустя, когда одержали победу во Франко-прусской войне, и Генрих снова был в первых рядах тех, кто раздвигал границы Прусской империи, тем самым создавая новую Германию. В награду за участие в боевых действиях Генрих получил должность участкового, а затем земельного судьи во вновь образованной Германской империи.⁶

Но вскоре его стал точить червь недовольства и меланхолии. Снова дало себя почувствовать отсутствие призвания к юстиции. Хуже того, после десяти лет супружества и пяти рожденных детей (один умер в младенчестве) он потерял жену Иду. Им овладела подавленность, он стал нервным – почетная должность земельного судьи его больше не устраивала. Ему хотелось назначения, пропуска в верхние эшелоны немецкого общества. Таким пропуском стала новая консульская служба Министерства иностранных дел в Берлине. Он знал, что империя разрастается и что кайзеру Вильгельму I не терпится получить возможность выпивать на равных со своими коллегами по Колониальному клубу – английским королем и французским президентом. Канцлер Бисмарк, приятель Генриха, посоветовал ему отправиться в Лондон поучиться у лучших, то есть познать все премудрости весьма успешной британской модели колониального администрирования.⁷

Однако до отъезда нужно было найти жену – спутницу, с которой можно было бы разделить новую жизнь, не говоря уже о воспитании детей. Этот пробел был восполнен парой восхитительных голубых глаз, владелицу которых, девятнадцатилетнюю блондинку с простоватыми, но приятными чертами лица, звали Франциска Тифенбрунн. Ее отец, Петер Пауль Тифенбрунн, был уважаемым земледельцем из тирольского городка Ройтте. Сватовство прусского судьи к скромной тирольской фройляйн, движимое не столько любовью, сколько необходимостью, увенчалось успехом. Уже беременная первым ребенком (Карлом Эрнстом), Франциска вместе с Генрихом переселилась по ту сторону Ламанша. 28 мая 1885 года в церкви Св. Якова Франциска Тифенбрунн, которая была на двадцать лет моложе Генриха, стала Фанни Геринг.⁸ В том же году хорошо подкованный в делах колониальной администрации и готовый к новому поручению Генрих удостоился доверия Бисмарка и был назначен *Reichskommissar von Deutsch-Südwestafrika* (имперским комиссаром на территории нынешней Намибии).

---

⁵ Butler, E. & Young, G. (1989) *The Life and Death of Hermann Goering*. Newton Abbot, UK: David & Charles Publishers plc. P 12.

⁶ Singer, K. (1940) *Göring: Germany's most dangerous man*. Melbourne, Australia: Hutchinson & Co. LTD. P 17.

⁷ Frischauer, W (1950) *Goering*. London: Odhams Press LTD). P 16.

⁸ Там же. P 15.

* * *

Мы с Дастином минуем внешние ворота замка, как раз когда начинают звонить колокола ближайшей церкви. При входе нас встречают ветхая будка билетера и киоск с картинками мороженого. Территория замка по-зимнему тиха. О жизни напоминает лишь каркасные вороны, гнездящиеся на центральной башне. Мы продвигаемся дальше по брусчатой дороге, пока не приближаемся к главным воротам, на которых красуется табличка с адресом замка – выгравированный в камне средневековый щит.⁹

Еще от одних ворот заасфальтированный въезд с двумя флагштоками по краям ведет к зданию, в котором когда-то, видимо, проживали Геринги, а теперь расположился отель “Фельденштайн”: три этажа эклектической архитектуры, болотно-зеленый фасад, сводчатые оконные переплеты белого цвета, терракотовая черепица и ярко-красная парадная дверь, которая кажется позаимствованной с фабрики Вилли Вонки. Не представляя, что нас ждет по ту сторону, я поворачиваю ручку двери.

Нас встречает овчарка с оскаленной пастью. Рычание взрывается оглушительным лаем. Тут же из глубины коридора раздается не менее враждебное гавканье на франконском наречии. Вслед за голосом объявляется его владелец – громоздкий мужчина, который совсем не рад нашему визиту. В неудачной попытке скрыть очевидное недовольство он с усилием натягивает улыбку “как на школьном фото”. Мы спрашиваем, открыты ли они и можно ли поужинать. После секундного промедления он выдавливает: “*Natürlich*, конечно. Проходите сюда”.

Новый зал, в который он нас заводит, – это какое-то логово неистового чучельника: бесчисленные рога, свисающие со стен головы серн, набитые фазаны, для разнообразия дополненные тропическим попугаем, стервятником и совой в стеклянных витринах. Здесь же оружие, которым добыто все это мертвое великолепие: арбалеты, пики, мечи, щиты и даже целый комплект доспехов. За исключением компании Людвига II и Иисуса мы ужинаем в одиночестве. Треск горящих дров, раздающийся с другого конца зала, периодически нарушает тишину этого склепа. Из страха оскорбить всеобщий покой наш разговор принимает форму перешептывания: мы в основном обсуждаем странность окружающей обстановки и придумываем, как выудить информацию из нашего севернобаварского хозяина. Странное становится и вовсе сюрреалистическим, когда из колонок, размещенных на головах статуэток монахов, внезапно раздается бравурная духовая музыка с отдаленно средневековым мотивом, а после – саундтрек “Храброго сердца”.

Наш хозяин периодически показывается в зале, и каждый раз мы пытаемся занять его разговором о погоде или городке. Он отделяется от нас чем-нибудь односложным и идет заниматься своими делами. Дверь снова открывается, но на этот раз в нее входит молодая официантка с пучком белокурых волос и приветливой улыбкой. Происходит преобразование: понатыканная повсюду живность больше не пронзает нас ледяными взглядами, бухающая недокельтская музыка больше не раздражает так сильно. Обстановка становится уютней. Мы чувствуем, что нам рады. После обмена любезностями с официанткой мы узнаем, что угрюмого хозяина зовут герр Бетцельд, и это тот самый человек, которого я должен, хотя совершенно не горю желанием, расспросить о прежних знаменитых обитателях замка.

Герр Бетцельд оказывается столь же немногословным насчет Альберта Геринга, как насчет всего остального. Он даже заявляет нам, что никто в городке – и, если на то пошло, во всем мире – ничего об Альберте не знает. Обогатившись этой информацией, мы благодарим

---

⁹ Позже я выяснил, что это был герб князя-епископа Хеннеберга, что в свою очередь указывает на дату перестройки замка – 1486 год. (Прим. автора.)